

БЕЛАЯ СИНИЦА

Зима вязала снежный плед,
звенели ледяные спицы.
И разливался чистый свет,
и пели белые синицы.

Глаза, уставшие от тьмы,
коснулись обновленной дали.
Забота матушки-зимы
оберегала от печали.

И так хотелось петь и жить,
морозную примерив снежность.
Надежд сияющая нить —
души открывшаяся нежность!

Мы восхищались каждый раз
холодным солнечным сияньем.
И белизна светилась в нас,
жизнь наполняя обаяньем.

Какой бы ни таился след,
снег снова выбелит страницу.
Зима-судьба довяжет плед
и в небо выпустит синицу...

* * *

Ушел поэт... Отпел и отлюбил...
Непонятый, непризнанный и бедный...

Устал бороться, выбился из сил...
Смерть по щекам мазнула краской бледной.

Чрезмерность боли заострила тень.
Разлом судьбы, как шрам, пролег по строчке.
И этот день, последний страшный день,
от зимней стужи съежился до точки...

Остались пожелтевшие листы,
исписанные нервной рукою.
Стихи — неразведенные мосты
над Летой, обмелевшею рекою...

Где нитью рифмы связаны слова,
в них голоса земные не смолкают.
И не растет забвения трава,
и жизнь, как кровь, из душ не вытекает.

Придуманый и очень странный свет
с добром и солнцем щедро перемешан.
О, Господи! К Тебе идет поэт,
что отстрадал и стал почти безгрешен...

ЗИМА

Придет зима на смену осени,
возьмет в помощницы метель.
И, стужей накрахмалив простыни,
предложит свежую постель.

В хрустальной чаше зелье снежное
без назиданья поднесет,
умело спрячет неизбежное
и утешение найдет.

И солнца каплями медовыми
полюнь досады подсластит.
Посеребрёнными обновами
за все потери наградит.

На лед опасный ляжет вьюгою,
нашепчет откровенья в ночь.
И станет верною подругою,
чтоб подбодрить и превозмочь.

Вдохнув надежду акварельную,
горячего коснется лба.
Споет как в детстве колыбельную,
как пели мама и Судьба...

МЕРТВОЕ МОРЕ

Как мутное зеркало — жидкий кристалл.
Бескрайняя гладь — без бушующих волн.
Застывшее море среди высохших скал
и вечной печали просоленный склон.

Возникший на месте библейского зла
глубинный разлом с маслянистой водой...
Содом и Гоморра сгорели дотла:
под морем — два города с жуткой судьбой.

Ни птица, ни рыба не селятся тут:
пустыни изжога да терпкий бурьян.
И в небе витает беды неуют,
греховной расплаты смертельный изъян.

Здесь выжить нельзя, нелегко утонуть,
как будто воде не предписан закон...
Но к гиблому месту был вымощен Путь,
и к Мертвому морю спешат на поклон.

Так самое низкое вскинулось вверх!
Так самое мертвое стало живым!
Так самое мрачное слышало смех
и горечь спасенья дарило больным.

Как только отступит постылая боль,
нам с замыслом Божиим раскроется связь:
и будет целебной содомская соль,
и станет бесценной гоморрская грязь...

* * *

Как хорошо, что я еще жива,
что солнца луч сочится сквозь ресницы.
Как бусы, рифмой нижутся слова,
и хочется смеяться и молиться.

Коснуться лбом остывшего стекла,
по облакам разгадывая знаки...
И осень так нарядна и светла
в смешенье золотистого и хаки.

Предчувствие намеков и теней
проникнет в суть подобно ультразвуку,
где скоротечность неизбывных дней
осуждена на вечную разлуку...

Дай, Боже, сил попутчикам моим,
и непокоя, и преодоленья!
И за труды пошли удачу им,
чтоб верили в Твое благоволение!

Мы здесь пока, и время — не в расчет...
Октябрь ложится листьями под ноги
и, все маршруты зная наперед,
не отнимает радости дороги!

БАСНЯ О ЛЮБВИ

Кузнечик, юный и зеленый,
мечтой прекрасной окрыленный,
влюбился страстно и неловко
в красотку — божию коровку.

Пленила глянцева спинка,
в горошек черный пелеринка,
незамутненный добрый взгляд
и стройных ножек — целый ряд.

Он убажал ее стихами
и ароматными цветами.
Поил кристальной росой,
знакомил с тетушкой Осою.

Пел серенады на листочке
и, наконец, дойдя до точки,
воскликнул: «Я тебя люблю!»
Она ж любила только... тлю.

* * *

Верни мне, Господи, любовь,
ведь без нее уже не выжить.
И песню из души не выжать,
не залатать просевший кров...
Верни мне, Господи, любовь!

Любви потеря — неспроста,
я ей неправедно служила:
и счастья золотую жилу
перемолола суета,
неумолима и пуста.

Любовь озвучивала век,
я эту истину постигла,
но жизни музыка затихла,
как будто провалилась в снег,
недальновиден человек...

И в небо я кричу: «Прости!
За своеволие и упрямство,
за чувств моих непостоянство
и незадачливость пути...
Дай снова радость обрести!»

Верни мне, Господи, любовь...